

"Ты... "Рупен смотрел на него, его глаза были широко раскрыты с недоверчивостью, желая, чтобы то, что происходило сейчас, было не более чем кошмаром.

"Хм... ты что? Ты на конце веревки!" Ван Дон издал несколько холодных фырканий из носа, и без следа милосердия в глазах, он резко отозвал руку, кровь обернулась в сломанную плоть и внезапно выплеснулась, зрелище которого было шокирующим.

Когда я увидел его в первый раз, он был настолько силен, что даже не смог пережить три раунда в руках Ван Донга. Весь человек был ошарашен, его душа была вне его тела, и казалось, что он даже не может сказать, где он был.

"Неу~~" Бай Ди, который стоял на боку, выпустил длинный вздох, ее лицо и беспомощное и облегченное, и ее взгляд был довольно необъяснимым и сложным. Миндальные глаза слегка приподняты, ее взгляд призрачно охватывает Ван Донг, в котором явно скрывается несколько непонятных обид.

"Убей! Убить!!!"

Подобно тому, как толпа сходила с ума из-за смерти Лу Пэна, внезапно раздался торопливый крик смерти. Душа У Цзинь, Гуо И, Тигр Цзин Ци и другие вели большую группу людей, всю дорогу **, прямо во дворец.

"Золотая душа", Цзин Ци! Ты... ты не умер?" Увидев всех, лицо Сюй Ваньтянь сразу же показало сильный сюрприз, и он выглядел очень взволнованным.

Душа Уцзинь с большой улыбкой бросилась на сторону Сюй Вэньтяня и сказала: "Благодаря своевременному прибытию Яотина, он спас нас всех! Старый хозяин, как тебе это, где этот отродье Лу Пенг?"

Сюй Вэньчуань почувствовал облегчение и посмеялся над трупом Лу Пэна. Когда Душа У Чжин посмотрела на него, снова зазвучал смех и продолжил нажимать на Ван Донга: "Яотин, ты действительно никогда не разочаровываешься! Хорошо убить, хорошо убить вау!"

Тигр Цзинци, Го Йи и другие вздохнули с облегчением, все они знали в своих сердцах, что по сравнению с Бай Чжэншань Лу Пэн был врагом номер один!

Вандонг засмеялся и сказал: "Это просто способ занять место небес"!

"Точно! Это совершать правосудие от имени небес, а для такого человека, как Лу-Пенг, жить - это богохульство против небес!". Душа У Цзинь фыркнула и яростно посмотрела на ашеновидного Бай Чженшаня, сурово закричав: "Отверженный Бай, что еще ты можешь сейчас сказать?".

Суровый крик Души Угин вызвал у Бай Женьшаня дрожь и пробуждение с самого начала. Когда он поднял голову, все вокруг него были глаза, наполненные обидой и враждебностью, и его лицо, которое уже было уродливым, мгновенно поседело на три пункта.

Как раз тогда, когда все думали, что Бай Женьшань вот-вот сдастся, он неожиданно выдул грудь и закричал: "Как ты смеешь! Я - правитель страны, как ты смеешь меня неуважать!?"

Выступление Бай Чженшаня было действительно неожиданным, но оно еще больше возмутило толпу, глаза Вудзин Душа тогда смотрели и упрекали: "Царь страны? Ты заслужил это! Ты аморальное, недоброе и несправедное создание, и у тебя хватает наглости называть себя

правителем! Кто-нибудь! Снимите этого вора!"

То, что сделал Бай Женьшань, несомненно, было преступлением против гнева общественности, и престиж, который он накопил в прошлом, был полностью сметен. Как только голос Души Угин падал, толпа толпой кинулась над Бай Женьшань с жестом роя и разрезала его на куски.

"Не надо, не надо!" Симпатичное лицо Бай Ди изменилось, когда она бросилась вперед и заблокировала Бай Чжэнь Шань.

"Бай-ди"? По сей день, что еще ты можешь сказать?" Сюй Вэньчуань был очень оптимистичен по отношению к Белой бабочке.

Когда Цюй Ваньли был сильным, благодаря поддержке Сюй Ваньтянь она смогла выжить до сих пор. Но сейчас, после всего, Сюй Вэньчуань был очень разочарован в Бай Ди. В прошлом, он был готов продать Бай Ди некоторые лица, но сейчас, у него не было никаких хороших чувств к ней.

Слова Сюй Вэньчуань были холодными и проницательными, прямо охлаждая сердце Бай Ди, и она поняла, что все, что она сказала в этот момент было просто бесполезно.

"Ваше Высочество, генералы, хотя мой отец имеет тысячу ошибок, он, в конце концов, правитель страны, Бай Ди готов умереть, чтобы искупить грехи моего отца, пожалуйста, пусть мой отец живет и пусть он проживет свою старость в мире".

Бай Ди выглядел мрачно, но ее голос был очень решительным. Несмотря на то, что у нее была тысяча недостатков, ее филиальная набожность к детям была столь же трогательна.

Сунь Сяоя первоначально был наполнен разочарованием и ненавистью к Бай Ди, но в этот момент, услышав ее слова, она не могла не намочить глаза и повернуть голову в сторону.

"Die'er", о какой ерунде ты говоришь? Если ты хочешь, чтобы я умер, я должен умереть! В чем виноват отец? Если они действительно хотят быть рецидивистами и узурпаторами мятежников и быть плюнутыми миром, то пусть они убьют меня!"

"Хорошо тебе, Бай Женьшань, уже на этот раз, а ты все еще такой крутой! Ну, тогда я сам тебя зарежу, тупой правитель, и посмотрим, проклят ли мир тебя или меня!" Душа Угин уже злилась в его сердце, но теперь он еще больше разозлился и яростно вытащил свой меч.

"Отец, ты... ты просто должен говорить меньше!" Бай Ди резко потянул руку Бай Чжэнь Шаня, никогда не говорил громко с Бай Чжэнь Шаня раньше, на самом деле она подняла голос на октаву в этот момент.

"Умри, ты... ты..." Отношение белой бабочки явно удивило Бай Чженьшаня, Бай Чженьшань был сначала ошеломлен, а потом кричал на нее, как сумасшедший. "Я знаю, ты видишь, что я побежден и вот-вот окажусь в плену, так что ты больше не будешь признавать меня своим отцом, верно? Ура! У меня нет такой нефилиальной дочери, как ты! Убирайся, убирайся!"

"Отец, ты..." Бай Чжэнь Шань никогда не ожидал, что Бай Чжэнь Шань скажет это, и слезы размером с фасоль сразу же соскользнули по ее щекам, выглядя бесконечно расстроенным, это было действительно душераздирающе.

Кусая зубы, Бай Ди внезапно и справедливо повернула голову к Ван Донгу и подняла голос: "Сюй Яотин, грехи моего отца - это все моя ответственность! Я бы променял свою жизнь на

отцовскую! Ты можешь пообещать мне это?"

Взгляд Бай Ди теперь был неестественным, не слабым, но полным решимости, из-за чего Ван Донг испугался.

"Вонючая девчонка, не смей действовать передо мной! Я думаю, что ты просто в сговоре с ними, коварная штука, я должен был убить тебя давным-давно!" Прежде чем Ван Донг смог дать ответ, Бай Чжэнь Шань сначала выпустил рев, все его тело выглядело так, как будто он был сумасшедшим.

Когда слова Бай Женьшаня дошли до ушей Бай Ди, почти все они превратились в острые ножи и ядовитые ножи, пронзив тысячу отверстий в ее сердце, а затем разрезав его на куски в доли секунды. Ван Донг почти ясно видела отчаяние и боль, как будто это были сорняки, растущие в ее глазах.

Слезы брызгают, как фонтан, ее тонкое тело дрожит, боль, которую Бай Ди страдал в этот момент, вероятно, невообразимо для посторонних.

"Хватит! Как ты можешь так говорить о собственной дочери?" Даже Сунь Сяоя больше не мог смотреть и шипеть на Бай Чженшань.

"Что? Она сделала это, могу я просто сказать "нет"? Ха! Я сказал, как Сюй Яотин вернулся так вовремя, нет необходимости говорить, что это, должно быть, вы, девушка, которая предупредила ее. Это действительно соответствует поговорке, трудно предотвратить воровство дома днём и ночью..."

"Хватит!" Бай Ди, наконец, достигла своего предела, и ее рот внезапно выпустил наполненный болью крик.

Бай Чжэнь Шань чихнул и сказал: "Что, я говорил о боли?"

Бай Ди, который собирался взорваться, внезапно увял на слова Бай Чжэнь Шань, все ее лицо полностью покрыто сильным чувством отчаяния. Сердце Ван Донга внезапно трясло, вызывая зловещее предчувствие.

"Отче, благодарю Тебя за то, что Ты родил мою дочь и любишь ее двадцать лет, у меня нет возможности отплатить Тебе, так что я могу только вернуть эту жизнь Тебе". В будущем, если ты сможешь жить, надеюсь, у тебя все получится, моя дочь больше не сможет стоять у тебя на коленях, чтобы оплакивать, ты... береги себя!"

После произнесения этих слов, прежде чем толпа смогла отреагировать, Бай Ди внезапно взял острый нож с земли и вытер его в шею.

"Ничего хорошего, остановите ее быстро!" Сюй Вэньчуань подсознательно выпустил крик тревоги.

Ван Донг также долго готов был сделать шаг, чтобы остановить его, но когда ему случилось поймать взгляд смертельного отчаяния в глазах белой бабочки, его фигура невольно остановилась, и с одним только усилием, острым лезвием прорезали кожу белой бабочки, и кровь брызнула, как фонтан.

По мере того, как фигура белой бабочки медленно падала, Вандонг отчетливо видел облегчение и легкость в глазах белой бабочки. Вандонг не мог не произнести длинный вздох в

сердце, для Бай Ди, возможно, это была лучшая концовка. Эта женщина выдержала слишком большой вес, который она не должна была нести, и она не могла себе этого позволить, и она жила... слишком уставшей.

"Сдохни... Сдохни!" Только когда упала белая бабочка, Бай Женьшань, казалось, очнулся от сна, болезненное раскаяние показалось на его лице, слезы струились по его лицу, как дождь.

"Эй! Вообще-то... природа этого ребенка Бай Ди все еще неплоха." Глядя на труп Бай Ди, Сюй Вэньчуань постоянно душил запястья.

"Это все Бай Женьшань виноват, иначе сестре Бай Дай не пришлось бы умирать!" В конце концов, они были сестрами, которые выросли вместе с детства, и после смерти Бай Ди, вся ненависть Сунь Сяоя к ней сразу же исчезла, ее сердце наполнилось печалью и, тем более, обидой на Бай Женьшань.

"Сяоя" прав! Пэк Чжин-сан не только слабонервный правитель, но и засранец отца! Такие люди не заслуживают жить в этом мире! Сегодня я, Душа Уджин, свершу правосудие перед небесами и покончу с этим вором!" Душа Угин также ревела от ярости.

"Подожди! Ты... ты только что обещал обменять жизнь моей дочери на мою! Теперь, когда моя дочь покончила с собой, ты... ты не можешь убить меня снова!" Когда Бай Женьшань услышал это, он поспешно закричал.

Толпа не могла поверить своим ушам, это то, что отец должен был сказать?

Сюй Вэньчжуань в гневе сжимал кулаки, желая повернуться к небесам и спросить, не слеп ли он, Сюй Вэньчжуань, чтобы после всех этих лет так ясно видеть уродливое лицо Бай Чжэнь-Шаня!

"Пэк Чжин-сан, Пэк Чжин-сан, ты... ты действительно хочешь обменять жизнь своей дочери на собственную? Тебя считают человеком!?"

Сунь Даобай был чрезвычайно культурен, редко экспортировал проклятия на каждом шагу, как Сюй Вэньчуань, но сейчас он не мог устоять, указывая на Бай Чжэньшань и дрожа от злости.

(Конец этой главы)